

Заметка к пушкинскому «<Рославлеву>»

В прозаическом наброске 1831 г., обязанном своим происхождением роману М.Н. Загоскина «<Рославлев>», ретроспективное повествование ведется от лица некоей дамы, которую «зимой 1811 года» (149)¹ вывезли в большой московский свет, где уже обретался ее старший брат Алексей. По вполне объяснимой инерции в этом персонаже часто усматривают полемическую реплику на протагониста романа Загоскина², однако нетрудно убедиться, что обрисовки обоих действующих лиц не имеют точек соприкосновения. На наш взгляд, брат повествовательницы в «<Рославлеву>» соотнесен отнюдь не с каким-либо литературным героем³, но с реальной фигурой из ближайшего окружения Пушкина, оставившей заметный след в светских хрониках «допотопной или допожарной Москвы». Так на склоне лет каламбурил князь Петр Вяземский.

(1) Брат мой, двадцати-двух-летний малый, принадлежал сословию тогдашних франтов; он считался в Иностранной Коллегии, и жил в Москве, танцуя и повесничая. Он влюбился в Полину и упросил меня сблизить наши дома (149).

16 сентября 1807 г., подавая прошение о зачислении в штат располагавшейся в Москве Межевой канцелярии, пятнадцатилетний Вяземский обосновал его следующим образом:

Уведомясь в недавнем времени, что Его Императорское Величество всемилостивейше пожаловать меня соизволил Коллегии юнкером, и имея желание продолжить службу мою в ведомстве Межевой канцелярии...⁴

Хотя факт этого «пожалования» не был откомментирован в публикации В.Г. Бухерта и не получил отражения в наиболее обстоятельной сводке данных, документирующих служебное поприще Вяземского⁵, у нас есть все основания предположить, что речь идет о Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел – единственном ее подразделении, сохранившемся в старой

¹ Здесь и далее цифры, следующие в скобках после цитаты из «<Рославлева>», отсылают к страницам издания: Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.,] 1948. Т. VIII¹; [Л.,] 1940. Т. VIII².

² См.: Грушкин А.И. «Рославлев» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 6. М.; Л., 1941. С. 332; Филиппова Н.Ф. Закончен ли пушкинский «Рославлев»? // Рус. литература. 1962. № 1. С. 58; Благой Д.Д. Исторические романы Пушкина // Пушкин А.С. Арап Петра Великого; Рославлев; Капитанская дочка. М., 1965. С. 19.

³ Натянутыми выглядят и попытки спроецировать пушкинского Алексея на другого персонажа «Рославлева» – Александра Зарецкого. См.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, 1827-1832. Л., 1927. С. 110 (коммент. Н.В. Измайлова); Дмитриева Н.Л. «Отрывок из неизвестных [sic] записок дамы» // Незавершенные произведения А.С. Пушкина. М., 1993. С. 47.

⁴ Цит. по: Бухерт В.Г. П.А. Вяземский – служащий Межевой канцелярии // Сов. архивы. 1989. № 1. С. 65.

⁵ См.: Шолов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи, 1801-1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 158.

столице после 1781 г.⁶ Лишь немногие начинали здесь строить карьеру (подобно будущим друзьям и приятелям Вяземского – братьям Александру и Константину Булгаковым, Александру Тургеневу, Дмитрию Блудову, тоже в пятнадцатилетнем возрасте записанным юнкерами в Московский архив); большинство же юнкеров того времени манкировали своими обязанностями и лишь изредка показывались в старинном здании за Покровкой⁷.

Именно в Московском архиве должен был «считаться» и Алексей, описание которого отсылает к пассажиру из недавно появившегося романа Булгарина:

Чиновники, не служащие в службе <...>. Их называют архивным юношеством. <...> Это наши петиметры, фашioneбли, женихи всех невест... <...>. Они-то дают тон Московской молодежи на гульбищах, в театре и гостиных⁸.

Что же касается Вяземского, то, хотя в Межевой канцелярии он исполнял целый ряд поручений⁹, служба вряд ли обременяла его и, во всяком случае, не мешала предаваться рассеянию:

[О]н был молод, богатый жених и чрезвычайно влюбчив. И женщины-матери, и дочери, охотно видя в нем будущего зятя, любовника или мужа, стояли за него горой. <...> И не одни еще: он скоро сделался идолом молодежи, которую роскошно угасивал и с которой делил буйные забавы¹⁰.

(2) Приезд государя¹¹ усугубил общее волнение. Восторг патриотизма овладел наконец и высшим обществом. <...> Везде толковали о патриотических

⁶ См. в автобиографической записке Вяземского, составленной 3 сентября 1821 г. по запросу Н.И. Греча: «1807 года вступил в службу Коллегии иностранных дел юнкером в ведомство Межевой канцелярии» (цит по: *Могиланский А.П.* Об авторстве «Почты духов» // Рус. литература. 1984. № 4. С. 119). Ср.: *Греч Н.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 314.

⁷ См., например: *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой; вступ. ст. К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М., 1998. С. 78-79, 165. В ноябре 1806 г., объясняясь с обер-секретарем Иностранной коллегии И.К. Вестманом, восемнадцатилетний Степан Жихарев высказался вполне откровенно: «... желаю служить действительно, зачем и приехал в Петербург; иначе стремился бы определиться в Московский архив» (*Жихарев С.П.* Записки современника /Ред., статьи и коммент. Б.М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955. С. 269).

⁸ Иван Выжигин, нравственно-сатирический роман / Соч. Фаддея Булгарина. СПб., 1829. Ч. II. С. 163. О газетной полемике 1830 г. по поводу авторства выражения «архивны(е) юноши» см., в частности: *Лернер Н.О.* Пушкинологические этюды // Звенья. М.; Л. V. 1935. С. 87-90; Пушкин в прижизненной критике, 1828-1830. СПб., 2001. С. 235-236, 461. Стоит отметить, что в строфе L главы седьмой «Евгения Онегина», где впервые выведены «архивны юноши», фигурирует и Вяземский (о переакцентировке, которой это место подверглось в ходе работы над строфой, см.: *Рогов К.* (Не)известная эпиграмма Пушкина: К творческой истории VII главы «Евгения Онегина» // Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 205, 208-210).

⁹ См.: *Бухерт В. Г.* Указ. соч. С. 65-66.

¹⁰ *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1928. Т. I. С. 349. Ср.: *Нечаева В.* Отец и сын: юношеские годы П.А. Вяземского. (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 51-52.

¹¹ Имеется в виду приезд Александра I в Москву в ночь с 11 на 12 июля 1812 г.

пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова¹², пожертвовавшего всем своим именем. <...> Полина бредила им. Вы чем жертвуете, спросила она раз у моего брата. Я не владею еще моим именем, отвечал мой повеса. У меня всего на все 30.000 долгу: приношу их в жертву на алтарь отечества. Полина рассердилась. Для некоторых людей, сказала она, и честь и отечество, всё безделица. Братья их умирают на поле сражений, а они дурачатся в гостиных. <...> Брат мой вспыхнул. Вы слишком взыскательны, княжна, возразил он. <...> Знайте, что кто шутит с женщиною, тот может не шутить перед лицом отечества и его неприятелей. <...> Полине понравилась дерзость моего брата, она простила ему неуместную шутку за благородный порыв негодования и, узнав через неделю, что он вступил в Мамоновский полк, сама просила, чтоб я их помирила. Брат был в восторге. Он тут же предложил ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свадьбу до конца войны. На другой день брат мой отправился в армию (154).

После женитьбы (осенью 1811 г.) Вяземский переменял тон московского гуляки, но сохранил многие прежние замашки. Лето 1812 г. он проводил между своим именем Остафьево и городом, и в мемуарах Анны Хомутовой «Москва в 1812 году», замечательно передающих как общее умонастроение публики, так и разнообразие индивидуальных реакций на происходящее¹³, с его именем связано несколько эпизодов. Первый относится к концу июня – началу июля, когда пришли известия «о приближении французов»:

По вечерам, следуя модному обычаю, много людей собиралось на бульваре; тревожные толпы, в мрачном настроении, проходили по нем, прислушиваясь к речам говорунов, которые рассказывали то, что успели узнать, проведать, а иной раз и выдумать. <...>

¹² В действительности ни 15 июля, когда Александр I принимал депутации дворян и купечества в Слободском дворце, ни 16 июля в зале Благородного дворянского собрания граф М.А. Дмитриев-Мамонов речь не произносил. См. в «Воспоминаниях о 1812 году» Вяземского: «В самый день состоявшегося собрания [15 июля], и когда положено было образовать народное ополчение, граф Мамонов подал через графа Ростопчина Государю письмо, в котором он всеподданнейше предлагал вносить, во все продолжение войны, на военные издержки весь свой доход, оставляя себе 10 000 руб. ежегодно на прожитие. <...> Государь, приказав поблагодарить графа за усердие его и значительное пожертвование, признал полезнее предложить ему составить конный полк. Так и было сделано» (Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. СПб., 1882. Т. VII. С. 201). Ср. также в мемуарах А. Г. Хомутовой (Рус. архив. 1891. № 11. С. 315-316; местонахождение оригинала, написанного по-французски, неизвестно) и в дневнике князя Д.М. Волконского (1812 год... Военные дневники / Сост. и вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М., 1990. С. 137-138). Показательно, что упоминание о «речи» появилось только в беловом тексте ««Рославлева»»; черновые редакции дают вариант, более приближенный к реальной картине: «Повторяли бессмертные слова графа Мамонова...»; «Повторяли слова молодого гр. Мамонова...» (734, 751).

¹³ См., например, зарисовку, приуроченную к 12 июля (дню приезда императора в Москву): «Вечером на бульваре господствовало уныние, и [В.П.] Бахметев увлек нас к себе в дом, где предавались только любви, курению и забавам. Граф [П.И.] Салтыков и князь [Ф.Ф.] Гагарин, в сюртуках без галстуков, лежали на диванах, держа в руках длинные трубки, которые закуривали им дочери и племянницы хозяина, а те целовали их в лоб в знак благодарности. <...> Бахметев пересыпал разговор двусмысленностями, а [А.М.] Евреинов и [Л.А.] Нарышкин распевали: «Si l'on mettait à l'eau fraîche / Toute fillette qui pêche / L'eau fraîche serait enfin / Plus chère que le vin!» [Если б каждую девицу / Да на чистую водицу, / То вода б уже давно / Превзошла в цене вино!] (Рус. архив. 1891. № 11. С. 315-316).

Вяземский порхал около хорошеньких женщин, мешая любезности и шуточки с серьезными тогдашними толками¹⁴.

Спустя месяц, на рубеже июля-августа, в одной из московских гостиных Карамзин и Нелединский-Мелецкий рассуждали о военных событиях,

... а Вяземский, сидя с нами за мраморным столиком, составлял полк из женщин и вербовал нас всех, давая пароль: «aimer toujours, changer souvent» [любить всегда, (из)меняя часто]¹⁵.

Как и Алексей, Вяземский, дурачась в обществе женщин, находит свое место в общем движении – с 25 июля он, на днях отметивший двадцатилетие, по собственной просьбе считается временно выбывшим из Межевой канцелярии ввиду перехода в московское ополчение¹⁶, причем в тот же Мамоновский полк (1-й конный казачий), что и персонаж «<Рославлева>». Мемуаристка узнала об этом 6 августа:

Я встретила Вяземского в мундире Мамоновского полка¹⁷. «И вы тоже, – сказала я, – вооружились на защиту Москвы». – «Нет, я защищаю только Лубянку», – отвечал он и запел:

«Лучше улиц всех Лубянка!»¹⁸

«Неуместная шуточка», вложенная в уста Алексея, и реплика Вяземского относятся к тому типу словесной игры, который характеризуется установкой на осмеяние общепринятых ценностей, и обе эти остроты инспирированы вопросами экзальтированных собеседниц. В первом случае предметом осмеяния – или, точнее, «комического осквернения»¹⁹ – оказывается популярное риторическое клише (*жертва на алтарь отечества*), а во втором случае на снижение градуса патриотической эмоции работает не только подмена целого ничтожно малой его частью, но и сам локальный топоним: на Лубянке стоял дом московского военного генерал-губернатора Ростопчина и здесь же резвились герои гривуазной истории, сочиненной Вяземским и Василием Львовичем Пушкиным:

Лучше улиц всех – Лубянка,
В ней – Егорьевский приход.
Хоть в нем колокол не громок

¹⁴ Там же. С. 312.

¹⁵ Там же. С. 319.

¹⁶ Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 66.

¹⁷ Этот мундир («[о]н состоял из синего чекменя с голубыми обшлагами. На голове был большой кивер с высоким султаном, обтянутый медвежьим мехом» // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 205) сообщал облику новобранца комический характер: «Смолоду я был довольно старообразен, и казацкий мундир и военная выправка были, вероятно, очень мне не к лицу. Когда граф Лев Кириллович Разумовский <...> в первый раз встретил меня в моем новом наряде, он говорил, что я напоминаю ему старых казаков, которых он у Гетмана, отца своего, видел в Батурине» (Там же. С. 202).

¹⁸ Рус. архив. 1891. № 11. С. 319.

¹⁹ Щеглов Ю.К. Семиотический анализ одного типа юмора (остроумие Остапа Бендера и его создателей) // Щеглов Ю.К. Проза; Поэзия; Поэтика. М., 2012. С. 109.

И хотя весь причет пьян,
Но прекрасная Хавронья в нем по праздникам всегда²⁰.

(3) *От брата получала я письма, в которых толку не возможно было добиться. Они были наполненные шутками умными и плохими, пошл. <ыми> уверениями в любви и проч.<...> Пустота братн<иных> писем происходила не от его собств.<енного> ничтожества, но от предрассудка, впрочем самого оскорбительного для нас: он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий, и что важные предметы до нас не касаются* (156).

Здесь фокус переведен на черту несходства между Алексеем и Вяземским. Разумеется, Вяземскому, как и любому записному остро слову, случалось отпускать и невзыскательные шутки, однако *предрассудком*, столь свойственным Алексею, он никогда не страдал. Ценить интеллектуальное общение с женщинами Вяземский выучился еще в отцовском доме, где, по признанию, сделанному им в глубокой старости,

... женский элемент господствовал наравне с мужским. Тут, в сфере умственного соревнования, проглядывало между полами *истинное* равноправие, которое женщины ищут ныне в химических лабораториях, в фельдшерских и анатомических театрах²¹.

Тем резче обозначено возвращение к намеченной колее, которое наблюдаем в следующем абзаце.

(4) *Разнеслась весть о Бородинском сражении. <...> Брат нам не писал. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконец один из развозителей всякой всячины приехал нас известить о его взятии в плен, а между тем пошепту объявил Полине о его смерти* (156).

Летом 1812 г. Мамоновский полк существовал лишь в «зародышах»²², не располагая ни оружием, ни продовольствием, ни фуражом; на 19 августа в нем числилось всего 56 офицеров, 59 юнкеров и 186 рядовых, наряженных на дежурство около Петровского дворца (некомплект составлял более 800 человек)²³. Именно в эти дни граф Дмитриев-Мамонов, сняв с себя заботы по формированию полка, отбыл в действующую армию²⁴, и почти одновременно, приняв предложение стать адъютантом генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, в Можайск уехал корнет Вяземский²⁵, который отметился в деле 26 августа.

²⁰ Текст этой «песни» впервые опубликован в: *Пушкин В.Л. Стихотворения* / Изд. подгот. С. Панов. СПб., 2005. С.154-155. Прочитанная строфа принадлежит Вяземскому.

²¹ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. СПб., 1878. Т. I. С. XXVII.

²² Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 202.

²³ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 89. Примеч. 1. (Мамоновский полк не участвовал в боевых действиях вплоть до кампании 1814 г.)

²⁴ Там же.

²⁵ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 202. Ср. письмо Милорадовича Вяземскому из Калуги от 14 августа (Рус. архив. 1866. № 2. С. 221).

Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствия пробудилось во мне и меня воодушевило. <...> Я понял значение французского выражения «le baptême de feu» [крещение огнем]. <...> Я даже жалел, что эта пуля не попала мне в руку или ногу, хотя – каюсь – и не желал бы глубокой раны, а только чтоб закалилась на мне память о Бородинской битве²⁶.

Вероятно, и другие офицеры и юнкеры 1-го казачьего полка московского ополчения, используя свои возможности, приняли участие в деле 26 августа, однако вряд ли можно усомниться в том, что фигура *тогдашнего франта*, вступившего в этот полк и добровольно выехавшего на Бородинское поле, в сознании Пушкина ориентирована прежде всего на Вяземского.

Итак, в трех из четырех фрагментов <<Рославлева>>, содержащих информацию об Алексее, обнаруживаются отсылки к биографии и облику Вяземского, и еще в одном фрагменте ассоциацию по сходству заменяет ассоциация по контрасту. Введение подобного прототипического подтекста, вообще говоря, не характерно для прозы Пушкина, и здесь обращает на себя внимание заключительный эпизод в истории этого произведения. В 1836 г., готовя несколько страниц из <<Рославлева>> к публикации в т. III «Современника», автор отсек всю часть, относившуюся к военным событиям 1812 г. и включавшую рассмотренные выше фрагменты 2-4. В результате редукции текста, получившего теперь заглавие «Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)», брат повествовательницы стал фигурой фоновой и не рассчитанной на узнавание. Допустимо предположить, что игра достаточно отчетливыми параллелями в той части <<Рославлева>>, которая известна нам только в рукописи, принадлежит сфере *генезиса* (в тыняновском смысле)²⁷; иначе говоря, речь идет о некотором приеме, релевантном на стадии разработки тех или иных персонажных линий, но далеко не всегда сохраняющем свои следы при позднейших переделках. Поскольку <<Рославлев>> не был завершен, мы ограничимся лишь осторожным замечанием касательно предусмотренной пушкинским замыслом проекции Алексея на Вяземского. Как представляется, этому персонажу сообщались черты незаурядной личности: в том случае, если слух о смерти Алексея оказался бы ложным²⁸, его потенциал мог раскрыться в ходе дальнейшего развития сюжета.

²⁶ Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 206. За выказанную в этот день «отличную неустрашимость и раторопность» Вяземский получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 91).

²⁷ См: Чудакова М.О. К понятию генезиса // Revue des études slaves. 1983. Т. LV. Fasc. 3. P. 417-418.

²⁸ Напомним в этой связи эпизод из биографии П.И. Пестеля. В Бородинском сражении он (тогда прапорщик л.-гв. Литовского полка) был ранен, между тем известие, полученное его родителями, имело неопределенный характер: «или убит, или тяжело ранен». См. письмо Е.И. Пестель сыну от 8 сентября 1812 г. (Восстание декабристов. Т. XXII. Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка) / Сост. О. В. Эдельман. М., 2012. С. 72).